

Mrázek, Roman

К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná.
1960, vol. 9, iss. A8, pp. [41]-52

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101258>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РОМАН МРАЗЕК

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ БЕСПРЕДЛОЖНОГО ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

(На материале русского языка)

1. Сфера употребления творительного беспредложного в современном русском языке весьма обширна. В сравнении с другими славянскими языками этот падеж используется здесь наиболее часто и разнообразно. Понятно, что проблематика его синтаксического употребления и соотношения с падежами с предлогами привлекла особое внимание русских языковедов; достаточно указать имена таких исследователей, как А. А. Потебня, О. В. Патокова, Е. А. Седельников, Т. П. Ломтев и В. П. Сухотин.¹ В то же время вопросу об употреблении беспредложного падежа в отдельных других славянских языках посвящались также монографические труды (напр. Й. Лось, Е. К. Тимченко, М. Ивич, М. Бауэрова), или же теоретические исследования (напр. Д. С. Станишева).² Большой интерес при изучении синтаксиса творительного падежа представляет, наконец, синтетический труд „Творительный падеж в славянских языках“, появившийся в 1958 г. под ред. С. Б. Бернштейна.

Предлагаемая статья, возникшая в результате детального сравнительно-исторического изучения синтаксиса творительного падежа в русском языке, ставит себе чисто теоретические цели: попытку осветить некоторые спорные вопросы, связанные с квалификацией синтаксических функций этого падежа.

2. В существующих работах по нашей теме нередко применялся механический подход к изложению. Отдельные „значения“ творительного проходились одно за другим без надлежащего общего обоснования и без ясной внутренней перспективы. Нам представляется, что у творительного падежа еще более тщательно, чем у других падежей, следует различать значения и функции, т. е. семантическое (адвербиальное, обстоятельственное) и не-семантическое (чисто синтаксическое) употребление. Подобное различие семантического (вернее: семантико-синтаксического) и чисто синтаксического функционирования падежей подчеркивается, между прочим, в трудах Й. Куриловича, Вл. Скалички, А. В. Исаченко, а также во введении к сборнику *Творительный падеж в славянских языках*.³

Среди всего многообразия словосочетаний с творительным имеются, следовательно, с одной стороны такие, в которых творительному свойственна та или другая семантическая, адвербиальная нагрузка, напр. *писать ночью, идти лесом, говорить мягким голосом, лететь стаей*. С другой стороны, в иных словосочетаниях творительный более или менее лишен кон-

кретной семантики, конкретного значения, напр. *пользоваться словарем, командовать армией, доволен своей работой, строиться каменщиками, являться примером*. В любом случае своего употребления творительный выполняет определенную функцию как член предложения, однако не во всех функциях он наделен тем или иным конкретным значением.

Отсутствие конкретного значения — главный и первый признак чисто синтаксического употребления падежей вообще. Чисто синтаксический падеж выступает как необходимое грамматическое средство языковой реализации синтаксического отношения имени к своему господствующему члену. Напротив, употребление семантического падежа (напр. *приехать поздней ночью*) обусловлено не только синтаксически, но и семантически, причем данный падеж не является единственно необходимым средством реализации синтаксического отношения имени к господствующему члену. Отсюда вытекает другой важный признак чисто синтаксического употребления падежа: он требуется самой лексико-грамматической природой своего господствующего члена (или всей конструкции предложения) и, как правило, не может быть заменен другим падежом (другой словесной формой) или наречием при сохранении того же синтаксического отношения. Следовательно, обязательная обусловленность падежной формы, ее незаменимость при соблюдении выражаемого ею синтаксического отношения — вторая отличительная черта чисто синтаксического падежа.

Различение обоих качественных полюсов — семантического (семантико-синтаксического, адвербиального) и чисто синтаксического употребления⁴ — имеет, на наш взгляд, решающее значение и при анализе функционирования беспредложного творительного в русском и в других славянских языках на конкретном материале.

Само собой разумеется, что между обеими областями не всегда можно провести точную грань. В творительном падеже нередко даже при синтаксическом употреблении выступает адвербиальный оттенок, да и внутри семантического его употребления одно значение может наслаиваться на другое. Какими бы тонкими ни были взаимные переходы, синтаксист не может отказываться от принципиального размежевания упомянутых качественно отличных явлений.

3. Спрашивается: какие случаи следует отнести к семантическому творительному, а какие — к синтаксическому?

В сферу семантического творительного входят такие случаи, в которых творительный: 1) насыщен конкретным значением (орудийным, образа действия, местным, временным и т. д.), 2) зависит от господствующего члена в порядке примыкания, не являясь необходимым средством реализации соответственного синтаксического отношения. Семантический творительный выполняет, как член предложения, примарную функцию обстоятельства. Функция обстоятельства — главная и относительно наиболее частая функция творительного вообще. Внутреннее распределение обстоятельственного творительного основывается на семантических аспектах.

В сферу же синтаксического творительного нужно отнести такой творительный, который: 1) не обнаруживает отчетливой семантики, выражая лишь общие категориальные синтаксические отношения, 2) обусловлен в своем употреблении как обязательное, обычно незаменимое средство

реализации данного синтаксического отношения. Он выполняет примарную функцию либо дополнения (т. е. объекта или субъекта действия), либо сказуемого в широком смысле слова (т. е. собственно именного сказуемого и т. наз. аппозиции, предикативного детерминанта). Синтаксический творительный в современном русском языке представлен в более узком диапазоне, чем семантический. Однако процесс синтактизации творительного как раз в русском языке достиг относительно большей степени, большей, нежели в других славянских языках.

Предложенное нами разделение всей совокупности синтаксических значимостей творительного падежа на два основных разряда и общее указание на то, какие именно функции входят в тот и другой разряд, требуют некоторых объяснений.

4. В области творительного, который считается нами семантическим (обстоятельственным), особого внимания заслуживает т. наз. творительный орудия и средства. Правильно ли отнесение его к семантическому творительному и признание за ним примарной функции обстоятельства? Или же ему принадлежит функция дополнения (объекта) и, стало быть, свойство чисто синтаксического падежа? Традиции русского и чешского языкознания по этому вопросу расходятся. Русская синтаксическая наука, сохраняя вслед за А. А. Шахматовым относительно широкий объем категории дополнения,⁵ усматривает в нем один вид дополнения. Нам думается, что подобная установка нуждается в пересмотру, тем более, что и некоторые высказывания советских синтаксистов намечают пути к иному толкованию творительного орудия и средства.

Приведем аргументацию в защиту обстоятельственной, а не объектной природы творительного орудия и средства.

(а) Твор. орудия и средства не функционирует по чисто синтаксическим причинам, а вызывается в своем употреблении прежде всего семантически — орудийное отношение и есть одно из ряда конкретных значений, на том же уровне, что и значение образа действия, причины, меры, места, цели и т. д.

(б) Зависимость от своего господствующего члена этот творительный выражает не в порядке управления, а в порядке примыкания. Почти всякое переходное действие можно осуществлять при помощи, посредством какого-либо средства и орудия, независимо от конкретности или абстрактности самого действия; можно не только резать чем-н., бриться, мерить... чем-н., но тоже лечить, помочь, поразить, обрадовать, уморить... чем-н. Отсюда явствует, что управление творительным падежом (т. е. рекция, необходимость постановки именно этого, а не другого падежа) не может быть свойственно столь неограниченному количеству глаголов.

(в) Творительный орудийный в русском языке не представляет единственное и незаменимое средство выражения соответственного синтаксического отношения. Исследованный нами обширный материал наглядно показывает, что именно в русском языке отношения орудия и средства в широком смысле весьма часто обслуживаются не творительным, а падежами с предлогами, особенно секундарными (производными). Чаще всего эти падежи встречаются в научном, публицистическом и деловом стиле. Имеем в виду случаи вроде: *измерять теплоту при помощи калориметра, образовать форму посредством суффикса -ся, восстановить язык-основу путем сравнения, увеличить выпуск литья за счет улучшения технологии,*

достигнуть точности в результате тренировки. Если адвербиальный, обстоятельный характер указанных падежей с предлогами не вызывает сомнений, то тем самым мы не имеем права отрывать от них беспредложный творительный, ибо он альтернирует с ними, выступая нередко в качестве их синонимического эквивалента (в чешском языке в приведенных нами примерах всюду употребителен творительный беспредложный).

(г) Для объектных отношений во внеязыковой действительности характерно то, что объект непосредственно затрагивается действием, испытывает на себе проявление действия, меняя под его влиянием свое состояние и являясь, так сказать, средоточием действия;⁶ напр. *дирижировать оркестром, качать головой, заниматься литературой, управлять машиной, махать платком*. Однако при орудийном отношении само орудие или средство принимает в действии лишь косвенное, вспомогательное участие, оставаясь, так сказать, „в стороне“, не подвергаясь его прямому воздействию; напр. *бриться электрической машинкой, помочь своим советом, ударить кого-н. кулаком, засыпать яму лопатой*.

(д) В историческом аспекте, как это общепризнается, когда-то творительный во всех случаях своего употребления был только семантическим, служил средством выражения различных конкретных значений. Известно, что выражение орудийного отношения — одно из исконных значений творительного вообще. Возможно ли, чтобы это древнее значение при громадном, почти неограниченном количестве объектных глаголов с течением времени ослабилось и даже полностью утратилось? Наверное, нет. Утрата творительным конкретной орудийной семантики и переход его в категорию дополнений характерны лишь для сравнительно небольшого количества сочетаний глаголов с творительным. Так, древнерусское *пользовати ся* + творительный имело еще значение „делать себе пользу, добро посредством чего-либо“, т. е. творительный выражал фактическое орудие, средство. С течением времени, однако, это конкретное значение уступало на задний план, в связи со сдвигом лексического содержания самого глагола *пользоваться*, и творительный все больше становился выразителем чисто объектных отношений, превращался в член, управляемый глаголом. Подобным образом обстоит дело также с творительным при других глаголах (и прилагательных), которые в настоящее время управляют им; орудийная (или другая) семантика сублимировалась, и данное сочетание закрепилось в управление; напр. *владеть чем-н.* первоначально имело смысл „осуществлять власть посредством чего-н.“, а теперь означает просто, что что-н. является объектом власти. Нужно, следовательно, иметь в виду, что объектная функция творительного — явление позднейшее, результат длительного развития языка; в настоящее время она свойственна этому падежу только в положении при определенном, ограниченном круге глаголов и прилагательных.⁷

(е) Известно, что значение орудия и средства стоит в теснейшей взаимосвязи и взаимопроникновении со значением образа действия. Целый ряд случаев допускает двоякую семантическую интерпретацию. Напр. в сочетании *бриться электрической машинкой* мы имеем дело не только с осуществлением действия при помощи данного орудия (бриться чем? — значение орудия), а тоже с определенным способом совершения действия, который является иным, чем напр. в сочетании *бриться бритвой* (т. е. бриться как? —

значение образа действия). В сборнике *Творительный падеж в славянских языках* семантическая категория образа действия так и осталась включенной в категорию орудия и средства, как частная ее разновидность (стр. 109 сл.). И если никто не ставит под сомнение адвербиальный, обстоятельный характер творительного образа действия, то тем самым нельзя не признать обстоятельного характера и за творительным орудия и средства.

(ж) При весьма широком понимании инструментального дополнения получается так, что в одной плоскости оказываются различные и несоотнесительные по своей природе синтаксические факты. Так, в *Грамматике русского языка АН СССР*, т. II, ч. 1, стр. 132 сл. к числу словосочетаний, выражающих объектные отношения, относятся наряду с такими, как *махать руками, надеть талант, напиться влагой, владеть французским языком, увлекаться шахматами* — где, на наш взгляд, мы действительно имеем дело с объектными отношениями и с явлением управления —, и такие словосочетания, как *пахать трактором, лечит порошками, писать чернилами* — где, как мы уверены, об объектных отношениях и об управлении говорить не приходится.⁸

Итак, мы стоим на той точке зрения, что творительный орудия и средства есть семантический, а не чисто синтаксический падеж; он выполняет примарную функцию обстоятельства, а не дополнения. Следовательно, в категорию обстоятельства нужно включить, между прочим, в качестве особого типа обстоятельство орудия и средства. С другой стороны, необходимо в порядке перечня установить такие группы глаголов (и прилагательных), которые фактически управляют творительным падежом, т. е. по самой лексико-грамматической природе своей требуют именно этот падеж, являющийся выразителем объектных отношений; об этом см. § 8.

5. В области семантического, обстоятельного творительного в современном русском языке можно различать следующие категории значений: 1) орудие и средство в широком смысле; 2) образ действия в широком смысле — содержащий четыре разновидности: образ действия в узком смысле слова (*сказать громким голосом*), сравнение (*щебетать ласточкой*), совокупность (*расходиться группами, расти скоплениями*) и внешние сопутствующие обстоятельства (*прийти своей волей*); 3) меру; 4) ограничение; 5) причину; 6) место; 7) время. Промежуточное положение между семантическим и синтаксическим употреблением занимает твор. превращения (взаимосвязанный, с одной стороны, с творительным сравнения, а, с другой стороны, с творительным предикативным), а также твор. вспомогательного материала (восходящий к творительному орудия и средства, однако в части случаев относящийся теперь уже, скорее, к объектному творительному, см. о нем § 8).

Благодаря своей семантике обстоятельный творительный нередко подвергается процессу морфологической адвербиализации, переходя в ряд наречий; это касается, прежде всего, творительного образа действия (*рысью, разом, толком, бегом...*), места (*верхом, задом, боком, кругом*) и времени (*летом, зимой, ночью...*). Употребление обстоятельного творительного вызывается, в высшей инстанции, не синтаксическими, а семантическими причинами; поэтому-то зависимость такого творитель-

ного (или же, по выражению Т. П. Ломтева, его „позиционное звено в структурной позиции предложения“)⁹ от лексической природы компонентов словосочетания столь велика, ср. *писать пером* — *писать ночью, умереть голодом* (нормально: от голода, с голоду) — *уморить голодом*.

Господствующим членом семантического творительного большей частью бывает глагол. Однако творительной меры, ограничения и причины представлен нередко, или даже преимущественно, в положении при прилагательном (эвент. при наречии в сравнительной степени); ср. *выше головой, слаб здоровьем, мягче натурой, ценный своей точностью, неприятный своей раздражительностью*; в других значениях приаждективный семантический творительный встречается в виде исключения (напр. *душою рад что-н. сделать, жив чужим трудом*). В позиции при глаголах и прилагательных творительному здесь присуща его примарная функция — функция обстоятельства. Если же он попадает в синтаксическую зависимость от существительного, то приобретает секундарную, производную функцию определения, сохраняя свое конкретное обстоятельственное значение; следовательно, мы можем говорить об обстоятельственном определении (напр. *удар топором, печать мелким шрифтом, прогулка лесом, Москва вечером*).

6. К несемантическому, чисто синтаксическому творительному мы относим, как указывалось в § 3, творительный дополнения и творительный предикативный в широком смысле.

Категория дополнения, в свою очередь, распадается на два отличных друг от друга раздела: 1) на дополнение, выражающее субъект действия, 2) на дополнение, выражающее объект действия. В первом случае твор. указывает того или то, от кого (чего) исходит действие, кто (что) является его источником, производителем; во втором случае, напротив, он обозначает того или то, на кого (на что) направлено действие. Между творительным субъекта и объекта имеются, несмотря на их различный характер, некоторые взаимосвязи и общие соответствия.

Дополнение, выражающее субъект действия, налицо, прежде всего, при пассивной глагольной форме, напр. *дом строится каменщиками*. Его отнесение к синтаксическому употреблению оправдывается в русском языке благодаря тому, что творительный выступает здесь в качестве обязательного, управляемого и незаменимого падежа (конструкция *от* + родительный вышла полностью из употребления), а также благодаря тому, что в нем отсутствует конкретное значение — отношение производителя действия к самому действию не есть „значение“, подобно как нельзя видеть „значение“ в отношении объекта, испытывающего на себе воздействие со стороны действия. Творительный субъекта сближается, правда, с творительным орудия и средства, но в то же время принципиально отличается от последнего; ср. *письмо написано мною* (= я написал письмо) × *письмо написано пером* (= кто-то написал пером; нельзя сказать: перо написало письмо).¹⁰ Показателем того, что творительный в данном конкретном случае выполняет (или не выполняет) функцию дополнения-субъекта, является возможность изменения пассивной конструкции в активную и превращения творительного в именительный в функции подлежащего.¹¹ Ярче всего субъектный характер творительного обнаруживается тогда, когда в нем выступает название лица.

7. Мы склонны думать, что творительный дополнения-субъекта существует также в безличных предложениях, выражающих стихийные действия, типа *солнцем выжгло траву, окно забрызгало дождем, ветром относит голос*. В научной литературе творительный объясняется здесь обычно как орудийный.¹² Его семантическая связь со значением орудия и средства не подлежит сомнению, и употребление подобного творительного при безличном глаголе исторически восходит к семантической области орудия и средства. Однако в системе современного русского языка в большинстве случаев подобный творительный выражает обычно фактического производителя действия, а не орудие „какой-то непознанной силы“. Данная форма получила в языке в течение исторического развития повое осмысление, и если теперь говорят *солнцем выжгло траву, его убило электричеством*, то вряд ли ощущают здесь смысл „что-то выжгло траву посредством солнца“, „что-то убило его посредством электричества“. Впрочем, нередкая и всегда допустимая замена безличных оборотов подлежащими, в которых творительный становится грамматическим подлежащим (напр. *солнце выжгло траву*), — красноречивое свидетельство о том, что твор. в безличной конструкции осознается говорящими как субъектный, а не как орудийный.¹³ (Так же обстоит дело в страдательных оборотах; там, где творительный имеет значение одного только орудия, замена в действительный оборот с соответствующим именем в роли подлежащего невозможна, ср. выше.) Синтаксический фактор, обосновывающий отношение субъектного творительного, выражающего стихийного, неодушевленного производителя действия, к разряду синтаксического употребления, заключается в следующем: 1) в творительном отсутствует конкретное значение, ибо он выражает обычно не орудие действия, а субъект; 2) ему соответствует позиция подлежащего в личном предложении; 3) для выражения данного синтаксического отношения, при выборе безличной глагольной формы, он служит незаменимой падежной формой существительного. Во всех трех пунктах наблюдается полная аналогия с творительным в страдательных оборотах.

Если субъектный творительный дополнения попадает в синтаксическую зависимость от существительного (напр. *исполнение романса певицей*), то он получает производную функцию определения (определение субъектно-дополнительно, чеш. *přívlastek činitelsko-určující*).

8. Дополнение, выражающее объект действия, стоит, прежде всего, при нескольких группах глаголов. Эти группы, если их распределить начиная с „сильного“ управления — группа 1) — и кончая „слабым“ управлением — группа 10) —, т. е. по направлению к области обстоятельств, следующие: 1) *владеть, командовать, располагать...*; 2) *дорожить, интересоваться, пренебрегать, заниматься...*; 3) *делиться, обмениваться, меняться...*; 4) *изобилловать, кишеть, отличаться* („*vynikati*“)...; 5) *гордиться, славиться...*; 6) *качать, трясти, махать, вертеть, шевелить...*; 7) *надышаться, закусить, объесться...*; 8) *наделить, снабдить, запастись...*; 9) *наполнить, засеять, покрыть, окружить, набрякнуть, исполниться, замиться* — сюда входит в части случаев т. наз. творительный вспомогательного материала;¹⁴ 10) *вспыхнуть (гневом), сиять (чистой), отзывать (строгостью), греметь (громкой славой), дышать (прохладой), пахнуть (розами), истекать (кровью), забыться (сном), раскатиться*

(*смахом*). Помимо того, есть еще некоторые изолированные глаголы, управляющие творительным, напр. *извиняться, отговариваться (болезнью), страдать (недостатками), заразиться (ангиной)*.¹⁵

Все количество глаголов, управляющих творительным падежом, далеко не неограниченно, и отдельные глаголы можно было бы привести в виде исчерпывающего перечня.

Если здесь глагол стоит в страдательной форме (или если возвратная форма допускает страдательное значение), то может произойти нейтрализация объектной-субъектной значимости дополнения в твор. падеже; напр. в предложении *сердце его наполнялось радостью* стирается противоположность между смыслом „радость наполняла сердце“ (субъектный творительный) и „сердце само по себе впитывало в себя чувство радости“ (объектный творительный). Или же предложение: *воздух насыщен парами* допускает опять страдательное или средне-возвратное понимание („пары насытили воздух“ || „воздух насытился парами“). Подобная нейтрализация, пожалуй, не влияя на сущность творительного — он остается синтаксическим, т. е. дополнением.¹⁶

Дополнение, выражающее объект, может стоять и при прилагательных, напр. *обильный, богатый, скупой, доволен*. Некоторые из числа их соотносительны с глаголами, управляющими творительным.

В позиции при существительных твор. дополнения-объекта выполняет производную функцию объектно-дополнительного определения (*владение языком, обмен опытом, вращение кнопками* и т. п.).

9. Большое распространение в русском языке (наряду с польским) получил предикативный творительный в широком смысле. Нам кажется, что категория именного сказуемого в той трактовке, которая применена в *Грамматике русского языка АН СССР*, т. II, ч. 1, стр. 416 сл., неминуемо влечет за собой серьезные упрощения действительно существующих синтаксических отношений. Именным сказуемым в этом произведении признается не только предикативное имя при чистой связке (или в предложении без связки) и при неполнознаменательных глаголах, но даже при полнознаменательных глаголах, напр. *она вернулась в родное село учительницей*. При этом здесь как-то оставляются вне поля зрения предикативные сочетания имени с переходными глаголами, вроде *его считают специалистом, он нашел свой дом разрушенным*. Далее: в противоречии с отмеченной концепцией именного сказуемого, в разделе о словосочетании в той же *Грамматике русского языка* (II, 1, стр. 137) творительный в случаях типа *уехал ребенком, встретились студентами* оценивается как выражающий временные отношения, т. е. как будто относится к категории обстоятельства времени.

„Комплексная“ концепция именного сказуемого, когда сказуемым считается сочетание любого глагола с предикативным именем, является, по нашему мнению, неверной и несостоятельной. Этими вопросами нам довелось заниматься уже раньше в особой статье.¹⁷ Здесь же ограничимся лишь констатацией самого главного. Предлагаем говорить об именном сказуемом только в позиции имени при связке (*быть, бывать, являться*), а в позиции при всех других глаголах, прежде всего полнознаменательных, расценивать имя, зависящее от этого глагола и одновременно от подлежащего или дополнения, как особый член предложения — предикатив-

ный детерминант (предикативно-детерминирующий член, „предикативное определение“ или „предикативную аппозицию“). Таким образом, категория предикативного творительного распадается на две части: в первой, при связке в определенной форме, творительный выполняет собственно функцию именной части сказуемого (напр. *является великим ученым, будет инструктором*), в то время как в другой части, при определенной форме других глаголов, творительному принадлежит функция предикативного детерминанта (напр. *работает трактористом, чувствует себя довольным, вернулась учительницей, расстались друзьями, нашли его раненым*).

10. Употребление творительного падежа в функции именной части сказуемого и предикативного детерминанта, как известно, в современном русском языке в ряде случаев является обязательным, представляет своего рода управление (ср. *он стал шахтером*, при почти неупотребительном „он стал шахтер“). Собственно, как указывал еще А. М. Пешковский, мы имеем здесь дело с сочетанием управления и согласования. Тем самым твор. получает здесь характер синтаксического падежа. Даже случаи, где возможен выбор двух или трех параллельных форм (*он был молод, он был молодой, он был молодым*), не опровергают, а скорее подтверждают синтаксический характер творительного: выбор той или другой формы обуславливается не семантически, а грамматически — разной модальностью, разным отношением говорящего к сообщаемому содержанию. Кроме того, нет сомнения, что сама категория предиката в широком смысле есть категория, выражающая синтаксическое, а не семантическое отношение предизируемого признака к подлежащему (или к прямому дополнению). Другое дело, конечно, что в предикативном детерминанте может иногда выступать примесь адвербиальной семантики, в силу чего творительный в некоторых случаях допускает замену падежом адвербиального характера; ср. *служил здесь в качестве инструктора, работал в счетоводах, был принят в переводчики*.

Если связка стоит в именной форме (инфинитиве, причастии, деепричастии), то сочетание ее с творительным выполняет как целое в предложении различные секундарные, производные функции; напр. *быть критиком — это легкое дело; являясь противником консерватизма, он отстаивал все новое, прогрессивное*. Скорее в виде исключения встречаемся даже с тем, что связка получает форму отглагольного существительного; ср. у Маяковского: *Помнишь, Нетте, в бытность человеком ты пивал чай со мною в дипкупе* (выражение „в бытность человеком“ выполняет как целое функцию обстоятельства времени).

Подобным образом, в именной форме могут оказаться все другие глаголы, сочетаясь при этом с творительным. Твор. при инфинитиве, причастии и деепричастии сохраняет свою собственную функцию предикативного детерминанта, напр. *вернувшись учительницей; прийти последним; человек, работающий здесь планировщиком*. В позиции при отглагольном существительном, однако, творительный опять-таки приобретает производную функцию определения (предикативно-детерминирующего определения), напр. *работа монтером, его назначение директором, сохранение хода часов неизменным*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике I—II*, 1888, стр. 443 сл.; О. В. Патокова, *К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке*, *Slavia* 8, 1929—1930, стр. 1—37; Е. А. Седельников, *Беспредложные конструкции с творительным падежом в древнерусском литературном языке*, Вопросы изучения русского языка, Алма-Ата 1955, стр. 112—178; Т. П. Ломтев, *Очерки по историческому синтаксису русско голявика*, 1956, стр. 89 сл., 133 сл., 212 сл., 239 сл.; В. П. Сухотин, *О некоторых функциях сочетаний с творительным в современном русском языке*, Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию, 1956, стр. 241—249. Помимо того, согласно указанию в сборнике *Творительный падеж в славянских языках* (стр. 36, 38), имеются еще неопубликованные работы по синтаксису русского творительного беспредложного (в частности, Н. С. Василенко, И. А. Сахарова).

² И. Лось, *Funkcie narzednika v jazyku polskim*, Kraków 1904; Е. К. Тимченко, *Вокатив і інструменталь в українській мові*, Киев 1926; М. Ивич, *Значенја српско-хрватског инструмента и њихов развој*, Београд 1954. Нам известна еще машинописная работа М. Вауэровой-Тобковой, *Syntax instrumentálu ve staroslověnských evangeliích na základě srovnávacím*, Брно, фил. факультет, 1952; Д. С. Станишева, *Некоторые вопросы исторического синтаксиса падежей славянских языков*, Славистичен сборник, т. I, София 1958, стр. 13—31.

³ См. И. Курилович, *Le problème du classement des cas*, *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* 9, 1949, стр. 20 сл.; Вл. Скаличка, *Poznámky k teorii pádů*, *Slovo a slovesnost* 12, 1949, стр. 134 сл.; А. В. Исаченко, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология I*, 1954, стр. 127—141; *Творительный падеж в славянских языках*, 1958, стр. 26—27.

⁴ Разумеется, что разные падежи в любом употреблении не могут не быть синтаксическими. Они всегда стоят на службе синтаксиса, так как служат для выражения отношений между явлениями в объективной действительности. Обозначение „семантический падеж“, „синтаксический падеж“ носит, следовательно, условный характер и применяется нами в дальнейшем лишь ради краткости выражения.

⁵ Акад. А. А. Шахматов считал дополнением всякий падеж имени в детерминативной позиции, различая простое дополнение (падеж без предлога) и релятивное дополнение (падеж с предлогом). См. его *Синтаксис русского языка*, 1941, стр. 310 сл.

⁶ С полным правом М. Ивич употребила для объектного творительного в сербо-хрватском языке заглавие: „инструментал, којим је обележен појам-носилац станја“ (разрядка наша, Р. М.), отделяя его от творительного орудия; см. *Значенја српско-хрватског инструмента*, стр. 101 сл.

⁷ Орудийное значение творительного в древнерусских сочетаниях типа *печи ся ими, оженити ся женою, пьвати своимь княземь*, вышедших впоследствии из употребления, убедительно устанавливает Т. П. Ломтев, *Очерки по историческому синтаксису русского языка*, 1956, стр. 286—287.

⁸ Подобное смешивание двух различных по своей сущности фактов мы наблюдаем также в сборнике *Творительный падеж в славянских языках*. В числе примеров на творительный орудия и средства оказываются и такие, как: *качать головой* (стр. 87), *lotiti rukata* (стр. 88), *pokrciti ramenem* (стр. 88); в подобных случаях, однако, творительный является объектным.

⁹ Т. П. Ломтев справедливо указывает, как при сохранении господствующего слова и зависимой словесной формы значение падежа видоизменяется под влиянием лексического содержания зависимого слова; см. *Основы синтаксиса русского языка*, 1958, стр. 48 сл.

¹⁰ Различную синтаксическую природу творительного субъекта и творительного орудия в пассивных конструкциях рассматривает Р. А. Будагов, *Введение в науку о языке*, 1958, стр. 243—244.

¹¹ См. тоже А. Н. Гвоздев, *Очерки по стилистике русского языка*,² 1955, стр. 329.

¹² Напр. в работе Е. М. Галкиной-Федорук, *Безличные предложения в современном русском языке*, 1958, стр. 146—151.

¹³ Если бы подобный творительный имел значение только орудия и средства, то замена безличных оборотов личными (типа *солнцем выжгло траву > солнце выжгло траву*) была бы невозможной.

¹⁴ Вопрос о синтаксическом характере творительного вспомогательного материала затрагивается В. П. Сухотиным в цитированной в примечании 1) статье *О некоторых*

функциях сочетаний с творительным падежом, гл. обр. стр. 243—246. Твор. вспомогательного материала стоит на самой грани синтаксического и семантического употребления. Функцию объекта можно за ним признать при глаголах со значением наполнения, покрытия и окружения (подробную аргументацию в пользу такого приема здесь приводить нет места), между тем как при других глаголах он обычно имеет значение простого средства осуществления действия (*вымыть руки водой, писать чернилами, запить чаем* и т. п.).

¹⁵ Тонкие взаимопереходы между значимостью обстоятельства причины и объекта анализирует А. М. Финкель, *Творительный причины в современном русском языке*, Труды филологического факультета ХДУ, т. 6, 1958, особенно стр. 54 сл.

¹⁶ В нередко цитирующемся примере А. А. Потехина „стакан, наполненный мною вином“ (*Из записок* I—II, стр. 475), можно, по-нашему, интерпретировать творительный „мною“ как дополнение, выражающее субъект, а творительный „вином“ как дополнение, выражающее объект действия (с заметной примесью значения средства).

¹⁷ Р. Мразек, *Проблема сказуемого и его классификации*, Sborník prací fil. fak. brněnské university A 6, Brno 1958, стр. 10—34.

¹⁸ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*,⁷ стр. 231.

K SYNTAKTICKÝM FUNKCÍM PROSTĚHO INSTRUMENTÁLU

Stat' je zaměřena teoreticky a všimá si hlavně některých sporných otázek v kvalifikaci syntaktických funkcí prostého instrumentálu v ruštině. Autor doporučuje zásadně rozlišovat významy a funkce, čili užití sémantické (příslovečné) a čistě syntaktické. Instrumentál jména plní ve větě vždy funkci nějakého větného členu, ale ne vždy vyjadřuje i konkrétní význam.

Uvádějí se důvody, proč instrumentál nástroje a prostředku má charakter příslovečný a nikoli objektový, jak se to dosud vykládá v ruských mluvnicích.

Hlavní pozornost je pak zaměřena na syntaktický instrumentál. Vedle nedostatku konkrétního významu je pro něj příznačná tvarová danost, vazebnost, resp. alternace s pádem jasně syntaktickým. V ruštině k němu patří především instrumentál vyjadřující činitele děje, buď v pasivních konstrukcích nebo i v jednočlenných aktivních konstrukcích typu *сго* убило электричеством. Za druhé náleží k syntaktickému instrumentálu instrumentál předmětový (uvádí se přehled skupin ruských sloves a adjektiv, rozvíjených takovým instrumentálem) a za třetí instrumentál široce predikativní. Autor doporučuje rozeznávat u poslední jmenovaného jednak funkci vlastního přísudku (při sponě), jednak funkci predikativního určení čili doplňku (při ostatních slovesech).

Průběžně se věnuje pozornost odvozeným, sekundárním funkcím instrumentálu, zejména v postavení při substantivech. Podle toho, jaká je vlastní, primární funkce instrumentálu, lze to rozlišovat přívlástek příslovečný (*cesta lesem*), činitelsko-určující (podmanění přírody člověkem), předmětový (*hod diskem*) a predikativně-určující (*volba Jiřího českým králem*).

ZU DEN SYNTAKTISCHEN FUNKTIONEN DES PRÄPOSITIONSLOSEN INSTRUMENTALS

Der Aufsatz ist theoretisch aufgebaut und beschäftigt sich hauptsächlich mit einigen strittigen Fragen, die mit der Qualifikation der syntaktischen Funktionen des präpositionslosen Instrumentals im Russischen verknüpft sind. Verfasser empfiehlt, grundsätzlich einerseits Bedeutungen und andererseits Funktionen, d. h. semantische (adverbiale) und rein syntaktische Verwendung, zu unterscheiden. Dem Instrumental eines Namens wohnt immer die Funktion eines Satzgliedes inne, aber er drückt nicht in jedem Falle auch eine konkrete Bedeutung aus.

Es werden ganz bestimmte Gründe angeführt, die es klar machen, warum der Instrumental des Werkzeugs und Mittels nicht als Objekt — (wie dies bisher in den russischen Grammatiken geschieht) —, sondern als ein adverbialer Kasus aufzufassen ist.

Besondere Aufmerksamkeit wird dann dem rein syntaktischen Instrumental gewidmet. Ausser dem Mangel an konkreter Bedeutung ist es für ihn typisch, dass seine Form vom betreffenden dominierenden Satzglied gefordert wird (steht also mit ihm in Rektion), bzw. dass sie mit einem zweifellos rein syntaktischen Kasus alterniert. Im Russischen gehört zu ihm vor allem der den Agens einer Handlung ausdrückende Instrumental, sei es in passiven Konstruktionen oder in aktiven eingliedrigen Konstruktionen von Typus „*jego ubilo električestvom*“. Zweitens gehört

zum syntaktischen der Instrumental des Objekts (es wird eine Übersicht der Gruppen der russischen Verba und Adjektiva angeführt, die durch einen derartigen Instrumental determiniert werden), und drittens der prädikative Instrumental im breiten Sinne. Der Verfasser empfiehlt, beim letztgenannten einerseits die Funktion des eigentlichen Prädikats (bei der Kopula), andererseits die Funktion des prädikativen Determinanten (bei übrigen Zeitwörtern) zu unterscheiden.

Im Verlauf der Arbeit werden gelegentlich auch sekundäre, abgeleitete Funktionen des Instrumentals, besonders in der Stellung bei Hauptwörtern, berücksichtigt. Nach der primären, eigentlichen Funktion des Instrumentals kann man da folgende Abarten des Attributs unterscheiden: das adverbiale Attribut, d. h. Umstandsattribut („doroga lesom“, „Moskva večerom“), das agensbestimmende Attribut („ispolnenije romana pevicej“), Objektattribut („vladenije russkim jazikom“) und das prädikativisch-determinierende Attribut („naznačeniije tovarišča Kuznecova direktorom“).